

Картины Италии

Автор:

Чарльз Диккенс

Картины Италии

Чарльз Диккенс

«Картины Италии» – путевые заметки Ч. Диккенса, вышедшие в свет в 1846 году после его длительного путешествия по Италии. Автор не ставил перед собой цель повторить популярные путеводители или искусствоведческие трактаты о достопримечательностях Италии – вместо этого его свежие впечатления стали рядом живых бытовых очерков о заинтересовавших его особенностях этой страны, так не похожей на его родную Англию.

Чарльз Диккенс

Картины Италии[1 - Итальянские очерки Диккенса впервые были опубликованы в лондонской газете «Дейли ньюс» (конец января – март 1846 г.). Назывались они на страницах газеты «Письмами путешественника с дороги» и были подписаны псевдонимом Диккенса Боз. Спустя несколько месяцев вышло и отдельное издание их под измененным названием «Картины Италии». В том же 1846 году очерки Диккенса были переведены на многие европейские языки, в том числе и на русский. Русский перевод печатался в «Отечественных записках» за 1846–1847 годы (т. XLVI, XLIX, L и LI); перевод, напечатанный в XLVI томе, сделан с французского перевода, публиковавшегося в «Revue Britannique», в остальных – с первого английского издания. Других переводов на русский язык, если не считать небольшого отрывка, напечатанного в «Журнале военно-учебных заведений», не появлялось. (Прим. переводчика.)]

* * *

Паспорт читателя

Если бы читатели этого тома пожелали взять свои виды на жительство в те места, о которых здесь вспоминает автор, у самого автора, они смогли бы, вероятно, посетить их и с большей приятностью и лучше представляя себе, чего им следует от них ожидать.

Об Италии написано множество книг, доставляющих множество способов изучать историю этой интересной страны и всего, что с нею связано. Однако я не часто ссылаюсь на этот запас сведений, так как отнюдь не считаю, что, если я сам черпал из него ради собственной пользы, это означает, что я могу преподносить читателям то, что они легко найдут и без моей помощи.

На этих страницах не встретится и серьезного рассмотрения достоинств и недостатков в управлении той или иной частью страны. Все посетители этого чудесного края неизбежно приходят к определенному взгляду на этот предмет; но поскольку, пребывая здесь как иностранец, я счел за благо воздерживаться от споров по этим вопросам с итальянцами любого сословия и состояния, я и теперь предпочитаю не вдаваться в их рассмотрение. Прожив в Генуе целый год, я ни разу не встретил со стороны властей, которые по самой природе своей подозрительны, ни малейшего проявления недоверия, и я не желал бы подать им повод сожалеть об их непринужденной любезности как в отношении меня, так и кого-либо из моих соотечественников.

Во всей Италии нет, пожалуй, такой знаменитой статуи или картины, которая не могла бы быть целиком погребена под горой напечатанных о ней трактатов. По этой причине, невзирая на искреннее мое восхищение скульптурой и живописью, я не стану здесь распространяться о знаменитых картинах и статуях.

Эта книга представляет собою ряд беглых очерков – как бы отражений в воде – тех мест, которые в той или иной степени влекут к себе мечты большинства

людей, в которых и мои мечты обитали долгие годы и которые представляют некоторый общий интерес. Большая часть этих набросков была сделана тут же на месте и время от времени пересылалась на родину в частных письмах. Я упоминаю об этом не в оправдание тех недостатков, которые могут быть в них обнаружены, потому что это не оправдание, но в качестве своего рода гарантии для читателя, что они по крайней мере написаны по свежим следам и под непосредственным впечатлением.

Если эти заметки могут показаться иной раз причудливыми и празднословными, пусть читатель вспомнит, что они составлялись знойным днем где-нибудь в холодке в окружении тех предметов, о которых идет речь, и не сочтет их хуже оттого, что на них заметно влияние описываемой страны.

Хочу также надеяться, что не буду превратно понят читателями католического вероисповедания в связи с кое-чем содержащимся на этих страницах. В одном из моих более ранних произведений[2 - Речь идет о романе «Барнеби Радж».] я постарался воздать должное приверженцам римско-католической церкви и рассчитываю, что и они в свою очередь ответят мне тем же.

Упомянув о каком-нибудь церковном обряде, показавшемся мне неприятным или нелепым, я отнюдь не стремлюсь связать его с основами католической религии. Описывая церемонии на Страстной неделе, я рассказываю только о произведенном ими на меня впечатлении и не думаю оспаривать того толкования, которое дает им почтенный и знающий доктор Уайзмен[3 - Уайзмен Николай Патрик (1802–1865) – кардинал римско-католической церкви Англии, богослов.]. Когда я высказываюсь против монашеских обетов, даваемых юными девушками, отрекающимися от мирской жизни, прежде чем они познали или испытали ее; или выражаю сомнение в святости *ex officio*[4 - По должности (лат.)] всех священников и монахов, я позволяю себе не больше того, что думают и высказывают многие честные католики как за границей, так и у нас.

Я сравнил эти «Картины» с отражениями в воде и хочу надеяться, что нигде не возмутил воду настолько, чтобы исказить их. Никогда я так не стремился к поддержанию добрых отношений со всеми моими друзьями, как теперь, когда далекие горы снова встают на моем пути. Ибо я не колеблясь признаюсь, что хотел бы исправить допущенную мною в недавнем прошлом ошибку, состоявшую в нарушении привычных связей с читателями и временном отказе от прежних занятий, и с удовольствием собираюсь возобновить их в Швейцарии, где в течение года я смогу спокойно осуществить некоторые свои замыслы, причем

голос мой будет доходить до английских читателей и одновременно я ближе познакомлюсь с благородной страной, неудержимо влекущей меня[5 - Это было написано в 1846 г. (Прим. автора.)].

Я сочинял эту книгу, стараясь быть возможно доступнее; я был бы счастлив, если бы я мог надеяться сравнить с ее помощью мои впечатления с впечатлениями кого-нибудь из множества людей, которые с интересом и наслаждением посетят впоследствии описанные мною места.

А теперь мне остается перечислить, как это принято в паспортах, приметы моего читателя, одинаково пригодные, надеюсь, для представителей обоего пола:

Наружность – располагающая.

Глаза – очень веселые.

Нос – отнюдь не задранный.

Рот – расплывающийся в улыбке.

Лицо – сияющее.

Общее выражение – чрезвычайно приятное.

По Франции

В одно прекрасное воскресное утро тысяча восемьсот сорок четвертого года, в разгар лета и в самый зной... нет, нет, дорогой друг, не пугайтесь! – речь пойдет не о путешественниках, медленно продвигавшихся по живописной пересеченной местности, по которой обычно приходится добираться до первой главы романа из средневековой жизни; нет, речь пойдет всего лишь о том, что английская дорожная карета внушительных размеров, совсем новая, прямо из Пантехника[6 - Пантехникон – большой торговый склад, в котором продавались машины, экипажи, технические принадлежности, запасные части, мебель, всякого рода утварь и т. д.] близ Белгрэв-сквера, Лондон, была замечена

крошечным французским солдатом – я сам видел, как он посмотрел на нее, – когда выезжала из ворот отеля Мерис, на улицу Риволи в Париже.

Объяснять, почему семья англичан – внутренних и наружных пассажиров этой кареты – решила выехать в Италию в воскресенье, словно не существует других дней недели, я обязан не больше, чем обязан, скажем, вдаваться в исследование причин, в силу которых все низкорослые люди во Франции – неизменно солдаты, а все высокие – фореиторы, хоть это и нерушимое правило. И все же у путешественников безусловно были свои причины поступать так, как они поступили: а почему они вообще там оказались, вы уже знаете: они направлялись в прекрасную Геную с намерением поселиться в ней на год, тогда как глава семьи собирался постранствовать и побывать там и сям, следуя прихотям своего неугомонного нрава.

Впрочем, мне было бы не так-то легко убедить парижское население, что глава и повелитель этой семьи именно я, а не лучезарное воплощение жизнерадостности, пребывавшее возле меня в образе курьера-француза, лучшего из слуг и благодушнейшего из людей; сказать по правде, он куда больше, чем я, был похож на отца семейства, и рядом с его дородной фигурой я превращался в совершеннейшее ничто.

В общем виде Парижа, когда наша карета громыхла мимо зловещего морга и по Пон-Неф, ничто, в сущности, не могло упрекать нашу совесть за отъезд из этого города в воскресенье. Винные погреба (через дом друг от друга) торговали вовсю; перед кафе натягивали навесы и расставляли столы и стулья, готовясь к приему многочисленных посетителей, которые в течение дня будут поедать здесь мороженое и пить прохладительные напитки; на мостах усердно трудились чистильщики сапог; лавки были открыты; с грохотом проезжали взад и вперед телеги и фуры; на узких, похожих на дымоходы улицах по ту сторону Сены повторялась все та же картина: повсюду была все та же шумная толчея, повсюду – те же пестрые ночные колпаки, чубуки для курения табака, блузы, огромные сапоги, лохматые шевелюры. Ничто в этот час не напоминало о дне отдохновения – разве что попадалось какое-нибудь семейство, которое, набившись в старый, вместительный, дребезжащий извозчий экипаж, ехало за город на прогулку или в окне мансарды показывалась задумчивая и праздная фигура в самом небрежном и откровенном утреннем туалете, поджидавшая в предвкушении воскресных удовольствий, пока просохнут на карнизе начищенные ботинки (если то был мужчина) или вывешенные на солнце чулки (если то была дама).

После того как кончается мостовая парижских предместий, «забыть и простить» которую невозможно, дорога в Марсель на протяжении первых трех дней ничем не примечательна и довольно однообразна. В Сане. В Авалон. В Шалон.

Очерк событий одного дня – это очерк всех трех, и вот он перед вами.

У нас четверка лошадей и один фореитор с очень длинным бичом, правящий своею упряжкой наподобие курьера из Санкт-Петербурга в цирке Астли или Франкони[7 - Франкони Антонио (1738–1836) – известный дрессировщик животных и владелец конного цирка в Париже.], с тем, однако, отличием, что он сидит на лошади, а не стоит на ней. Необъятные ботфорты, в которые обуваются эти фореиторы, бывают порой столетней или двухсотлетней давности; они до того несоразмерны с ногами носящего их, что шпоры, прикрепленные на уровне его пяток, оказываются, как правило, посередине голенища. Фореитор несколько раз появляется из ворот конного двора в башмаках и с бичом и выносит, держа в обеих руках по ботфорту, которые он с величайшей торжественностью ставит на землю рядом с лошадью, где они и красуются, пока он не закончит необходимые приготовления. Когда же они заканчиваются – о небо! какой при этом поднимается шум и гам, – он влезает в ботфорты, как был, в башмаках, или его впихивает в них пара приятелей, поправляет веревочную сбрую с выпуклым узором, нанесенным стараниями бесчисленных голубей, обитателей станционных конюшен, горячит лошадей, щелкает бичом, как полоумный, кричит: *En route! Hi!*[8 - Пошел! Ну! (франц.)] – и мы, наконец, выезжаем. Едва мы успеваем отъехать, как у него начинаются нелады с лошадью, и он честит ее вором, разбойником, свиньей и т. д., и т. д. и нещадно колотит ее по голове, словно она деревянная.

На протяжении первых двух дней в облике страны мало разнообразия. Унылая равнина сменяется бесконечной аллеей и бесконечная аллея – унылой равниной. Здесь множество виноградников, высаженных в открытом поле, но лоза низкоросла и ее выращивают не на шпалерах, а на прямых, воткнутых в землю тычках. Повсюду бесчисленное множество нищих, хотя население здесь крайне редкое, и нигде я не встречал так мало детей. Полагаю, что между Парижем и Шалоном мы не видели и сотни их. Забавные старинные города с подъемными мостами, стенами и угловыми башенками причудливой формы, похожими на гримасничающие рожицы, точно стена напялила на себя маски и смотрит сквозь них в лежащий у ее подножия ров; и еще странного вида башенки в садах и полях, в переулках и во дворах ферм; и всякая башенка всегда одинока, и всегда круглая, и всегда с островерхою кровлей, и неизменно пустует; разрушенные

строения разного рода, то городское управление, то кордегардия, то жилой дом, то замок с запущенным садом, полным одуванчиков, и стерегущими его башенками под острой конической кровлей. похожими на гасильники, с узкими подслеповатыми прорезями окон – все это вновь и вновь возникает на нашем пути. Иногда мы проезжаем мимо деревенской гостиницы с обвалившимся каменным забором и с целым городком всевозможных пристроек. Над воротами намалевано: «Конюшни на шестьдесят лошадей», а в них действительно можно было бы разместить не только шестьдесят лошадей, но и в двадцать раз больше, если бы здесь бывали когда-либо лошади, или останавливались проезжие, или были какие-нибудь признаки жизни, кроме ветки над дверью, указующей, что тут торгуют вином: такая же праздная и ленивая, как все остальные, она вяло колышется на ветру и уж, конечно, никогда не бывает могучей зеленой веткой со старого дерева, хотя настолько стара, что готова вот-вот рассыпаться. Весь день мимо нас тянутся, мерно позвякивая, маленькие, странной формы, узкие фуры, везущие из Швейцарии сыр; они следуют одна за другой вереницами из шести – восьми в каждой, и нередко весь этот обоз находится на попечении одного единственного возницы – иногда даже мальчика, – да и он частенько спит в передней повозке. Лошади сонно звенят бубенчиками на сбруе, и у них такой вид, словно они считают (так оно, конечно, и есть), что большие синие шерстяные попоны с двумя потешными рожками над хомутом – чудовищно плотные и тяжелые – слишком теплый наряд для летнего времени.

Раза два, а то и три за день мы встречаем дилижанс с запыленными наружными пассажирами в синих блузах, похожими на мясников, и внутренними пассажирами в белых ночных колпаках; откидной верх на крыше, носящий название «головы», трясется и кивает, как голова дурачка, а путешественники из стана «Молодой Франции»^[9 - «Молодая Франция» - так называли создавшуюся в 1830 году группу радикально настроенных литераторов, рьяных сторонников романтических теорий; эти литераторы отличались некоторой экстравагантностью туалета. Ироническая характеристика, даваемая Диккенсом сторонникам «Молодой Франции», едва ли справедлива.] глядят на нас из окна – бородатые, в жутких синих очках, скрывающих их воинственные глаза, и с очень толстыми палками, зажатыми в «патриотических» кулаках. Проносится мальпост^[10 - Мальпост - курьерская почтовая карета, вмещавшая двух-трех пассажиров (франц. Malle-Poste).] с какими-нибудь двумя пассажирами; он летит с бешеной скоростью и тотчас скрывается из виду. Проезжают степенные пожилые кюре в таких ветхих, нескладных, скрипучих и гроыхающих таратайках, что ни один англичанин не поверит мне на слово; в пустынных полях вы замечаете худых, изможденных женщин: то они придерживают за веревку пасущуюся корову, то вскапывают или взрыхляют землю, то выполняют

другие еще более тяжелые полевые работы; иногда встречаются самые что ни на есть настоящие пастушки со своими стадами – чтобы получить действительно правильное представление об этой прогрессии и тех, кто занимается ею, достаточно – какую бы с грану мы ни взяли – обратиться к любой картине или поэме на пасторальную тему и представить себе нечто решительно и окончательно непохожее на изображенное и них.

Вы уже много часов в пути и впадаете в оцепенение, как это обычно случается на последнем дневном перегоне; и девяносто шесть бубенчиков на лошадях – по двадцать четыре на каждой – вот уже полчаса сонно звенят в ваших ушах, навевая дремоту; и вам начинает казаться, что вы еле тащитесь и ваше путешествие – бесконечно нудное, утомительное занятие; и вы охотно погружаетесь в мечты об обеде, которым вас попотчуют на следующей станции... как вдруг, в конце обсаженной деревьями длинной аллеи появляются первые признаки города в виде нескольких беспорядочно разбросанных домиков, и вот уже ваша карета катится с отчаянным грохотом по ужасной, ухабистой мостовой. Ваш экипаж тотчас же начинает трещать и взрываться, как если б он был большою шутихой и воспламенился от одного вида дымящей над домом трубы или будто в него вселился сам черт. Тарарах, тарарах, тарарах, тарарах. Та-рарах, тарарах, тарарах. Трр... тарарах. Трр... тарарах. «Helo! Hola! Vite! Voleur! Brigand! Hi, hi, hi! En r. r. r. r. route!»[11 - Ого! Ого-го! Поторапливайся! Вор! Разбойник! Ну! Пошел! (франц.)] Бич, колеса, кучер, камни, нищие, дети; тарарах, тарарах, тарарах. Helo! Hola! Charile pour l'amour de Dieu.[12 - Ого! Ого-го! Милостыню, ради господа бога! (франц.)] Трр... тарарах... трр... тарарах; трр... трр... грр... удар, толчок, тарарах; удар, трр... тарарах; за угол, в гору по узкой улице, под гору по мощеному склону; в рытвину; удар, удар: толчок, встряска, трр... трр... трр...; тарарах, тарарах, тарарах; прямо в витрину лавки на левой стороне улицы, чтобы тотчас же круто свернуть под деревянную арку на правой ее стороне; грохот, грохот, грохот; стук, стук, стук; трр... трр... трр... и вот мы во дворе гостиницы «Золотой эю» – измученные, разбитые, полуживые, в полном изнеможении, но по временам мы подскакиваем на месте, ни с того ни с сего – точь-в-точь как догорающая шутиха.

Хозяйка «Золотого эю» тут как тут; и хозяин «Золотого эю» тут как тут; и горничная «Золотого эю» тут как тут; и господин в клеенчатом картузе, с холеной огненной бородой, обосновавшийся в «Золотом эю», тут как тут; а в углу двора прохаживается господин кюре в широкополой шляпе и черной сутане, с книгой и одной руке и зонтиком в другой; и все, кроме господина кюре, пяля глаза и разинув рты, ждут не дождутся, когда же откроется дверца кареты. Хозяин «Золотого эю» до того обожает курьера, что не в силах

дождаться, когда тот сойдет с козел, и бросается обнимать голенища и каблуки его ботфортов: «О мой курьер! Мой славный курьер! Друг мой! Брат мой!» Хозяйка любит его, горничная благословляет его, гарсон – прямо молится на него. Курьер спрашивает, дошло ли его письмо. Как же! Как же! Готовы ли комнаты? Еще бы! Еще бы! Лучшие комнаты для доблестного курьера! Парадные апартаменты для благородного курьера; весь дом к услугам нашего лучшего друга. Курьер держит руку на дверце кареты и задает все новые вопросы, чтобы подогреть нетерпение ожидающих. На поясе у него зеленый кожаный кошелек. Зеваки уставились на кошелек; кто-то притрагивается к нему. Он полон пятифранковых монет. Шепот восхищения пробегает в кучке мальчишек. Хозяин бросается на шею курьера и прижимает его к груди. Как он пополнел! – говорит хозяин. Какой у него здоровый и свежий вид!

Отворяется дверца кареты. Напряженное ожидание. Появляется госпожа. Ах, какая милая дама! И какая красивая дама! Появляется сестра госпожи. Боже правый, мадемуазель восхитительна! Появляется первый маленький мальчик. Какой хорошенький мальчик! Появляется первая маленькая девочка. О, да это очаровательное дитя! Появляется вторая маленькая девочка. Хозяйка, уступая возвышенному зову природы, берет ее на руки. Выходит второй маленький мальчик. Что за прелестный мальчик! Что за чудесное маленькое семейство! Выносят младенца. Ангелочек, а не младенец! Младенец берет верх над всем остальным. Все восхищаются теперь только младенцем. Наконец вылезают две няни, и общий энтузиазм переходит в безумие; всю семью возносят по лестнице, как на облако. А зеваки все еще толпятся возле кареты, и заглядывают внутрь, и обходят ее вокруг, и прикасаются к ней, и поглаживают ее. Ведь потрогать карету, вмещающую в себя столько народу, никак не пустяк. Будет о чем порассказать детям.

Нам отведены комнаты первого этажа; исключение составляет лишь детская спальня – обширное, несуразное помещение с четырьмя или даже пятью постелями: чтобы попасть в нее, нужно пройти темный коридор, подняться на две ступеньки, спуститься на четыре, пройти мимо помпы, накачивающей воду, пересечь балкон и войти в дверь рядом с конюшней. Остальные спальни просторны и с высокими потолками; в каждой из них по две небольших кровати, со вкусом убранных, как и окна, красными и белыми занавесками. Гостиная просто великолепна. Там уже сервирован обед на три персоны, и замысловато свернутые салфетки похожи на треуголки. Полы из красного кирпича. Ковров нет и мебели так немного, что о ней не стоит упоминать; зато у нас изобилие всевозможных зеркал, большие вазы с букетами искусственных цветов под стеклянными колпаками и очень много часов. Все в доме поднято на ноги.

Особенно деятелен бравый курьер – он поистине вездесущ: он обследует наши постели, он успел промочить горло вином, поднесенным ему его дорогим братом-хозяином, он раздобыл неизменные зеленые огурцы – одному небу ведомо, откуда он их берет, и так с ними и расхаживает – по огурцу в каждой руке, словно с двумя жезлами.

Обед готов. Подают жиденский суп и очень большие хлеба, каждому по отдельному хлебу; подают рыбу, после нее еще четыре блюда, потом птицу, потом десерт и вино в изобилии. Каждого кушанья понемногу, но все они весьма хороши и подаются без задержек. Уже темнеет, когда бравый курьер, съев свои огурцы, нарезанные ломтиками и приправленные большим графином оливкового масла и таким же графином уксуса, появляется из своего убежища в нижнем этаже и предлагает посетить здешний собор, массивная башня которого хмуро высится над двором гостиницы. Мы отправляемся. В полутьме собор особенно торжествен и величав; под конец становится настолько темно, что старый учтивый ризничий с впалыми щеками зажигает крошечный огарок и, пробираясь с этим едва мерцающим огоньком между надгробий, кажется заблудившимся привидением, разыскивающим среди угрюмых колонн свою собственную могилу.

Когда мы возвращаемся из собора, прислуга гостиницы ужинает на воздухе за большим столом под балконом. На столе дымится какое-то кушанье из тушеного мяса и овощей, поданное в чугунном котле, в котором его готовили. У сидящих за ужином кувшин слабенького вина, и им очень весело; веселее, чем господину с огненной бородой, который играет на бильярде в ярко освещенной комнате левого флигеля, где за окном непрерывно движутся тени с кием в руках и сигарой во рту. По-прежнему со своей книгой и зонтиком прохаживается взад и вперед одинокий кюре. И он продолжает прохаживаться, и бильярдные шары продолжают стучать еще долго после того, как мы погружаемся в сон.

В шесть часов утра мы уже на ногах. День восхитителен; его сияние пристыдило бы карету, облепленную вчерашней грязью, если бы что-нибудь могло пристыдить карету в стране, где их никогда не моют. Все и все полны бодрости, и когда мы заканчиваем первый завтрак, во двор, позвякивая бубенчиками, прибывают лошади, присланные с почтовой станции. Вещи, вынутые вчера из кареты, снова укладываются в нее. Обойдя комнаты и заглянув во все углы, чтобы увериться, что ничто не забыто, бравый курьер возвещает о готовности к выезду. Все усаживаются в карету. Все обитатели «Золотого Эю» снова охвачены восхищением. Бравый курьер вбегает в дом за свертком с холодной птицей, нарезанной ветчиной, хлебом и печеньем для второго завтрака; этот

сверток он торопливо сует в карету и снова убегает назад.

Но что же он теперь держит в руке? Опять огурцы? Нет. Длинную полоску бумаги. Это счет.

Сегодня утром Бравый курьер щеголяет уже в двух поясах; на одном висит кошелек, а на другом добротная кожаная фляга изрядных размеров, наполненная до самого горлышка лучшим легким бордо, какое только наш лось в гостинице. Он никогда не платит по счету, прежде чем ему не наполнят флягу. После этого он начинает его оспаривать.

Вот и сейчас он яростно оспаривает счет. Он все еще брат хозяина, но уже от другого отца или другой матери. Он уже не такой близкий родственник, каким был вчера вечером. Хозяин почесывает голову. Бравый курьер тычет пальцем в некоторые цифры на счете и заявляет, что если они так и останутся, то «Золотой эю» превратится и притом навсегда, в «Медный эю».

Хозяин направляется в свою крошечную контору. Бравый курьер следует за ним по пятам; он тычет ему в руки счет и перо и говорит торопливее, чем обычно. Хозяин берет перо. Курьер улыбается. Хозяин вносит поправки. Курьер отпускает шутку. Хозяин по-прежнему настроен благожелательно, но уже не позволяет себе излишней чувствительности. Он ведет себя как подобает мужчине. Он обменивается рукопожатием со своим бравым братом, но не заключает его в объятия. Однако он и сейчас любит своего милого брата; ведь он знает, что в один прекрасный день тот будет проезжать мимо его гостиницы с какой-нибудь другою семьей, и предвидит, что его сердце снова устремится к нему. Бравый курьер со всех сторон обходит карету, осматривает тормоз, обследует колеса, вспрыгивает на козлы, велит трогаться, и мы пускаемся в путь.

Сегодня рыночный день. Рынок разместился на небольшой площади против собора. Здесь толпятся мужчины и женщины в синем, красном, зеленом и белом; над стойками натянут полотняный навес; вывешенные товары трепещут на ветру. Крестьяне расселись рядами, выставив перед собой опрятные корзины. Здесь продавцы кружев, там продавцы масла и яиц, там продавцы фруктов, там – башмачники. Вся площадь похожа на сцену какого-нибудь крупного театра; только что поднялся занавес, и вот-вот начнется живописный балет. Собор тоже похож на декорацию: мрачный, почерневший, запущенный и холодный; лишь в одном месте он выплескивает на мостовую едва заметные

капельки пурпурного цвета – это лучи утреннего солнца, проникая в крошечное окно, выходящее на восток, пробиваются через цветные стекла на западном фасаде.

Спустя пять минут мы – на окраине городка; минуем железный крест с маленькой дерновой площадкой для коленопреклонений пред ним; и вот мы снова в дороге.

Лион, Рона и авиньонский домовой в юбке

Остановка в Шалоне приятна благодаря хорошей гостинице у самой реки и ярко выкрашенным зеленой и красной краской парходикам, которые ходят по ней; после пыльных дорог это зрелище радует глаз. Но если вам не нравится жить посреди огромной равнины с неровными рядами тополей, похожими издали на гребенки с обломанными зубьями, и вы не хотите провести всю свою жизнь без малейшей возможности подняться хотя бы на пригорок или вообще куда бы то ни было иначе чем по ступеням лестниц, вы едва ли изберете Шалон своим местожительством.

И все же, надо полагать, вы предпочтете его Лиону, до которого упомянутые мною пароходы доходят за восемь часов.

Что за город этот Лион! Иногда о человеке говорят, что он ведет себя так, точно свалился с луны. А тут целый город непостижимым образом свалился с неба; причем, как и полагается падающим оттуда камням, он был извлечен из топей и пустошей, наводящих ужас. Две больших улицы, прорезанные двумя большими и быстрыми реками, и все малые улицы, имя которым – легион, – жарятся на солнцепеке, покрываясь ожогами и волдырями. Дома тут высокие и громадные, невероятно грязные, прогнившие, как залежалый сыр, и так же кишацие живыми существами. Эти дома громоздятся до самых холмов, окружающих город, и обитающие в них черви высовываются из окон, сушат на палках свои лохмотья, вползают в двери, выползают на мостовую, жадно лоя широко раскрытым ртом воздух, копошатся среди необъятных кип и груд прелых, затхлых, зловонных товаров и живут или, вернее, не умирают до срока, как под колоколом воздушного насоса. Все промышленные города, собранные в один, едва ли смогли бы произвести впечатление, оставленное во мне Лионом, ибо

здесь неотъемлемое свойство промышленных городов – нищета – сочетается с обычными свойствами заграничного города – запущенностью и грязью, доведенными до пределов возможного; словом, я охотно сделал бы крюк в несколько миль, лишь бы избежать новой встречи с Лионом.

Когда наступила вечерняя прохлада или, вернее, чуточку спала дневная жара, мы отправились смотреть здешний собор, где несколько старух вкупе с несколькими собаками были погружены в глубокое созерцание. Каменный пол собора с точки зрения чистоты ничем не отличался от уличной мостовой; в узком ящике, вроде корабельной койки, застекленном сверху, выставлена восковая фигура святого, которую мадам Тюссо[13 - Тюссо Мари (1760–1850) – основательница лондонской «Выставки восковых фигур». Во времена Диккенса восковые фигуры мадам Тюссо пользовались большой популярностью. Здесь была собрана коллекция восковых портретов крупных исторических деятелей прошлого.] не взяла бы и даром и которой устыдилось бы даже Вестминстерское аббатство[14 - Вестминстерское аббатство – церковь в Лондоне, возведенная в XIII веке; место погребения английских королей, а также великих людей Англии. Архаические статуи Вестминстерского аббатства казались Диккенсу карикатурными, чем и вызвано это насмешливое замечание.]. Если вам нужны подробные сведения об архитектуре этой или любой другой церкви, о времени ее возведения, размерах, доходах, а также истории, все это можно найти в путеводителе мистера Мэррея[15 - Мэррей Джон (1808–1892) – знаменитый лондонский издатель, в частности выпустивший популярную серию «Путеводителей Мэррея для путешественников».] так почему бы вам не полистать его книгу, мысленно благодаря составителя, как это сделал я.

По той же причине я не стал бы упоминать и о любопытных часах в Лионском соборе, если бы не допустил при осмотре этой достопримечательности небольшой промах. Церковному сторожу страстно хотелось показать эти часы, отчасти ради поддержания чести своего учреждения и всего города, отчасти, быть может, в расчете на дополнительное вознаграждение. Как бы там ни было, часы были приведены в действие, и тотчас же распахнулось множество крошечных дверец, и бесчисленные крошечные фигурки выскочили из них и тотчас скрылись с той бестолковой судорожностью в движениях, которая присуща фигуркам, управляемым часовым механизмом. Сторож между тем объяснял нам все эти диковинки, указывая на них поочередно своею палочкой. Центральная куколка изображала деву Марию; рядом с нею был маленький ящичек, и другая куколка, на редкость злобного вида, совершила из него такой внезапный прыжок, каких мне, пожалуй, наблюдать не приходилось; при виде девы Марии она метнулась назад и с силою захлопнула за собой дверцу. Сочтя, что это символизирует

победу и торжество над грехом и смертью, и желая показать, что я отлично постиг, в чем тут дело, я торопливо проговорил, опережая нашего гида: «Ага! Это сатана. Дело ясное. До чего же быстро от него отделались». «Pardon, monsieur»[16 - Извините, сударь (франц.)], – сказал сторож с учтивым движением руки в сторону дверцы, как если бы представлял нам того, кто скрылся за нею, – вы видели архангела Гавриила».

На следующее утро, едва рассвело, мы сели на очень грязный, забитый товарами пароход, где, кроме нас, было всего трое или четверо пассажиров, и поплыли по течению быстрой, как стрела, Роны со скоростью двадцать миль в час. Среди наших попутчиков самым приметным был глуповатый, старый, пропахший чесноком, изысканно вежливый шевалье с добрым лицом и вдетым в петлицу грязным обрывком красной ленточки[17 - То есть ленточки ордена Почетного легиона.], который, казалось, повязал ее там для памяти, как простак из фарса завязывает узелки на платке.

Последние два дня мы видели дальние силуэты высоких угрюмых холмов – первых предвестников Альп. Теперь мы плыли мимо них; иногда совсем близко, иногда нас отделяли от них пологие склоны, покрытые виноградником. Деревни и городки, словно повисшие в воздухе; оливковые рощи, видные в просветы ажурных колоколен; облака, медленно ползущие по кручам позади них; развалины замков на каждой вершине, и домики, приютившиеся в лощинах между холмами, – все это было очень красиво. Из-за огромной высоты холмов здания казались изящными макетами, их ослепительная белизна на фоне бурых скал и темной, тусклой, сумрачной зелени масличных деревьев и крохотные человеческие фигурки, двигавшиеся на берегу, составляли очаровательную картину. Тут были также бесчисленные паромы, мосты, знаменитый Pont d'Esprit[18 - Мост св. духа (франц.)] со сколькими арками, я уж не знаю; города, прославленные своими винами; Баланс, где учился Наполеон; с каждой излучиной благородная река открывала перед нами все новые красоты.

После полудня мы оказались уже близ Авиньона: перед нами был разрушенный мост и весь испекшийся на солнце город, напоминающий пирог с недопеченною корочкой – зубчатой городской стеной, – которой уже больше не подрумянится, сколько бы столетий ее ни пекли.

На улицах свисали с виноградных лоз обильные грозди и повсюду роскошно цвел олеандр. Эти старинные улицы очень узки, но довольно опрятны и затенены полотняными навесами. Яркие платки, старинные резные рамы, ветхие стулья,

столы, похожие на выходцев с того света, святые, мадонны, ангелы, грубо намалеванные портреты – все это выставлено на продажу и очень живописно. А рядом, за полуотворенными ржавыми воротами вашему взору открывается тихий, словно уснувший двор, и в глубине его – величавый старинный дом, безмолвный, как усыпальница. Все это поразительно схоже с каким-нибудь описанием из «Тысячи и одной ночи». Три одноглазых календера[19 - Календеры – нищенствующие дервиши, мусульманские монахи; орден основан в XIII веке арабом Юсуфом (Диккенс упоминает об эпизоде из 11-й ночи арабских сказок «Тысяча и одна ночь»)] могли бы стучать в любую из этих дверей, пока вся улица не огласилась бы грохотом, а отворить ее мог бы тот самый любопытный носильщик, который накануне утром заполнил свою корзину такими замечательными покупками.

На следующее утро, после первого завтрака мы отправились осматривать здешние достопримечательности. С севера дул освежающий ветерок, и наша прогулка была очень приятной, хотя камни мостовой и стены домов так накалялись, что до них едва можно было дотронуться.

Сначала мы поднялись к собору, стоящему на скалистой возвышенности. Там шла служба для почти такой же аудитории, какую мы наблюдали в Лионе, а именно: нескольких старушек, грудного младенца и на редкость спокойной собаки, которая, наметив себе небольшую скаковую дорожку или, если угодно, гимнастическую площадку между алтарной решеткой и входной дверью, бегала по ней во время богослужения взад и вперед, совершая свой моцион столь же методически, как какой-нибудь пожилой джентльмен, вышедший на прогулку. Церковь была старой и бедной, и живопись на ее сводах безжалостно попорчена временем и сыростью, но солнечные лучи, проникавшие сквозь красные занавеси на окнах, так щедро освещали ее и так ярко горели на украшениях алтаря, что она казалась нарядною и веселою.

Отойдя в сторону, чтобы взглянуть на фрески, над которыми в то время работали француз-художник и его ученик, я смог подробно рассмотреть многочисленные дары по обету, развешанные на стенах приделов. Сказать, что эти дары служили к их украшению, я не решусь: намалеванные, по-видимому, живописцами вывесок, которые таким способом восполняют свои скудные заработки, они представляли собой крайне беспомощную и смешную мазню. Все это были картины небольшого размера, и каждая изображала какой-нибудь эпизод, – болезнь или другое бедствие, – от которых даритель избавился благодаря вмешательству своего ангела или мадонны; эти картины можно

считать характерными образцами живописи подобного рода. В Италии их великое множество.

По карикатурной угловатости контуров и искаженной перспективе эти картины сродни старинным книжным гравюрам на дереве; впрочем, они писаны маслом, и художник, подобно живописцу семьи Примроз[20 - Примроз – главный персонаж романа английского писателя О. Голдсмита (1728–1774) «Векфильдский священник»], не пожалел красок. На одной из них была изображена дама, которой отнимали палец на ноге, – причем для наблюдения за операцией в комнату прибыл на облаке некий святой. На другой картине – дама лежала в постели, укрытая по самую шею тщательно подоткнутым одеялом, и невозмутимо созерцала треножник с умывальным тазом на нем, – единственный предмет мебелировки в ее комнате, не считая кровати. Вам и в голову не пришло бы, что она больна и испытывает страдания, кроме проистекающих от бессонницы, если б художник не догадался поместить в углу картины всю ее семью на коленях, причем их ноги, торчавшие на полу, были похожи на сапожные колодки. Над ними, восседая на чем-то вроде голубого дивана, пресвятая дева обещала исцелить страждущую. Еще одна дама была изображена на фоне городской стены, почти под колесами фургона, похожего на фортепьяно. Но и на этот раз мадонна была тут как тут. То ли небесное явление испугало лошадь (некто вроде гриффона), то ли оно было невидимо лошади – этого я не знаю, но только лошадь уносилась вскачь, не выказывая никакого благоговения и не терзаясь угрызениями совести. На синем небе каждой из этих картин желтыми заглавными буквами было начертано: «Ex voto»[21 - По обету (лат.)].

Хотя дары по обету были известны и в языческих храмах и являются, по-видимому, одним из многочисленных компромиссов между ложной и истинной верой, когда истинная вера пребывала еще в младенчестве, я очень желал бы, чтобы все прочие компромиссы были столь же безвредны. Благодарный, смиренный христианский дух поддерживает, надо полагать, этот обычай.

Рядом с собором стоит старинный папский дворец, часть которого занята теперь городской тюрьмой, часть – шумной казармой; а мрачные анфилады парадных покоев, пустых и запертых – карикатура своего бывшего величия и славы, – подобны набальзамированным трупам царей. Но мы не пошли смотреть ни парадные покои, ни казарму, ни тюрьму, хоть и опустили немного денег в кружку для узников, висевшую у входа, причем сами узники жадно следили за нами сверху, сквозь прутья железной решетки. Мы отправились смотреть

развалины страшных помещений, где некогда заседали инквизиторы.

Маленькая смуглая старушка с горящими черными глазами – доказательство, что мир еще не укротил в ней дьявола, хотя в его распоряжении было для этого добрых шестьдесят или даже семьдесят лет, – вышла из кабачка при казарме, который она содержала, с большими ключами в руках, и повела нас за собой. Едва ли нужно передавать, как она сообщила нам по пути, что она – должностное лицо (*consierge du palais apostolique*[22 - Привратник папского дворца (франц.).]) вот уже множество лет; что она водила по этим темницам коронованных особ; что никто лучше ее не умеет показывать эти темницы; что она обитает в папском дворце с младенческих лет и даже, помнится, родилась тут. Но такого неистового, суетливого, пламенного и энергичного маленького дьявола в юбке я до этого не встречал. Она все время горела и вспыхивала. Все ее движения были невероятно порывисты. Она не могла говорить спокойно. Ока притопывала ногой, хватала нас за рукава, принимала всевозможные позы, стучала ключами по стенам, чтобы усилить впечатление. То она обращалась к нам шепотом, как если бы инквизиция все еще могла ее слышать, то вскрикивала, точно ее самое подвергали пытке. Готовясь показать какой-нибудь очередной ужас, она проделывала указательным пальцем таинственные колдовские движения и шла крадучись, оглядываясь и корча устрашающие гримасы, которые могли бы обеспечить ей почетное место среди бредовых видений горячечного больного.

Пройдя по двору мимо скучающих солдат, мы свернули в ворота, которые наш домовый в юбке отпер одним из своих ключей и тотчас же снова запер за нами. Мы вошли в узкий двор, к тому же еще заваленный упавшими сверху камнями и грудями мусора. Этим мусором было завалено и отверстие подземного хода, некогда ведшего (по крайней мере так утверждают) в замок на том берегу Роны. Рядом с этим двором находится подземелье – мы оказались в нем уже через минуту, – расположенное в жуткой башне, башне-тюрьме, где был заключен Риенци[23 - Риенци Кола (1313–1354) – вождь народного восстания в Риме в 1347 году; семь месяцев был правителем Рима; ставил своей целью объединение Италии.], прикованный железной цепью к той самой стене, что стоит и поныне; но только он не видел над собой неба, которое теперь видно сквозь пролом наверху. Несколько ступеней привели нас в *sachets*[24 - Тесные тюремные камеры-одиночки (франц.).], где инквизиция содержала заключенных в течение первых двух суток, не давая им есть и пить, чтобы сломить их упорство еще прежде, чем они предстанут перед угрюмыми судьями. Сюда солнечный свет не добрался и поныне. Это – крошечные клетушки, запертые четыремя неумолимыми, глухими, толстыми стенами, погруженные в полную тьму и

огражденные от внешнего мира тяжелыми дверями с засовами и замками – как прежде. Наш домовой, непрерывно оглядываясь – я говорил уже об этой ее особенности – и неслышно ступая, прошла в сводчатый зал, где теперь – склад, а некогда была часовня святой инквизиции. Помоста для заседаний трибунала здесь больше не было, но казалось, что он убран только вчера. Представьте себе притчу о добром самаритянине, изображенную на стене судилища инквизиции! А между тем она была тут нарисована, и до сих пор картина ясно видна.

В верхней части этой стены, имевшей глаза и уши, устроены ниши для писцов, которые записывали сбивчивые показания обвиняемых. Многих из этих несчастных приводили сюда из той самой каменной клетки, в которую мы только что заглянули и которая произвела на нас такое жуткое впечатление. Они шли тем же мощным коридором, и мы ступали по их следам.

Я озирался вокруг, охваченный ужасом, внушаемым этим местом, как вдруг наш домовой, приложив к губам не сухой, тощий палец, но всю связку ключей, порывисто хватая меня за руку. Резким рывком она увлекает меня за собой. Я повинуюсь. Мы проходим в смежное помещение – мрачный зал с постепенно сужающимся, как дымоход, потолком, с верхушки которого льется яркий солнечный свет. Я спрашиваю ее, где мы. Она складывает на груди руки, устремляет на меня искоса страшный взгляд и тарачит глаза. Я спрашиваю ее еще раз. Она оборачивается, чтобы убедиться, что наша маленькая компания в сборе; присаживается на груды камней и вопит, как сам сатана: «La salle de la question!»[25 - Помещение для допросов (франц.).]

Зал пыток! И потолку придана такая форма, чтобы заглушать крики жертв! О домовый, домовый, дай нам молча пораздумать над этим! Тише, домовый, тише, посиди хоть пять минут на своей груди камней, сложив короткие ручки на коленях коротких ног, а затем вспыхивай себе снова!

Минут? Дворцовые часы не успели отсчитать и секунд, а наш домовой уже вскочил, сверкая глазами, вмиг оказался посередине зала и, размахивая смуглыми руками, показывал, как вертелось страшное колесо. «Вот как оно вертелось!» – кричит домовый. Тук, тук, тук! Непрерывно действуют тяжелые молоты. Тук, тук, тук! Они обрушиваются на руки и ноги страдальца. «Взгляните на это каменное корыто! – выкрикивает она. – Это для – пыток водой!» Лейся, журчи, раздувай, рви тело мученика во славу нашего искупителя! Соси, еретик, кровавую тряпку! С каждым своим вздохом давись кровавою жижей, всасывай ее в свое поганое тело! И когда, пропитанная сокровенными соками образа и

подобия божьего, она будет, наконец, извлечена палачом изо рта твоего, признай нас избранными слугами господя, глубоко чтящими Нагорную проповедь, верными учениками того, кто творил одни только чудеса исцеления, кто никогда не поражал человека параличом, слепотой, глухотой, немотой, безумием или каким-либо другим бичом человечества и протягивал свою благословенную руку только затем, чтобы подать помощь и облегчение.

Смотрите, кричит наш домовый, смотрите, здесь был горн. Здесь раскаляли щипцы. В эти углубления вставлялся заостренный на концах шест, к которому подвязывали пытаемых, и они корчились на весу у потолка. «А приходилось ли monsieur, – шепчет мне на ухо домовый, – слышать об этой башне? Да? Тогда пусть monsieur взглянет вниз!»

Струя холодного воздуха, несущая с собой запах сырой земли, ударяет в лицо monsieur, ибо домовый успел, уже обращаясь к нему с вопросом, открыть дверцу люка в стене. Monsieur заглядывает в него. Он смотрит вниз, смотрит вверх, видит основание и вершину круто вздымающейся, темной, высокой башни. Палач инквизиции, сообщает между тем домовый, тоже высываясь в люк, бросал туда тех, кто не выдерживал пытки. «Видите, monsieur, темные пятна на стене?» Достаточно оглянуться на домового, чтобы по направлению ее горящего взгляда найти эти пятна – даже без помощи указующего ключа. «Что же это такое?» – «Кровь!»

В октябре 1791 года, в наиболее бурный для Авиньона момент революции, тут было убито шестьдесят человек-мужчин и женщин («И священников, – говорит наш домовый, – да, да, священников!»). Мертвых и умирающих сбросили в этот ужасный колодец и засыпали негашеною известью. Страшные улики этой резни вскоре бесследно исчезли. Но пока хоть один камень крепкого здания, где свершилось это черное дело, покоится на другом, воспоминание о несчастных будет жить в памяти человеческой с такой же отчетливостью, с какою и посейчас еще видны на стене брызги их крови.

Не было ли предусмотрено великим планом Возмездия, чтобы эта жестокость была совершена именно здесь; чтобы злодеяния и чудовищные установления, посредством которых на протяжении стольких лет тщились изменить человеческую природу, именно здесь сослужили свою последнюю службу, соблазнив людей готовыми способами удовлетворения их звериной ярости; чтобы именно здесь люди смогли проявить себя в разгар своего безумия несколько не хуже, чем величественное, мрачное и законное учреждение на

вершине своего могущества? Нисколько не хуже! Напротив, неизмеримо лучше! Они использовали Башню Забытых во имя Свободы, как они ее понимали, то есть земного создания, возвращенного в грязи казематов и рвов Бастилии и невольно изобличающего свое низкое происхождение, – а ведь Инквизиция пользовалась тою же башней во имя неба.

Палец домового вновь поднят вверх, и она, все так же крадучись, проходит в часовню святой инквизиции. Там она останавливается у одной из плит, которыми выложен пол. Это – главный номер ее программы. Она ждет, пока все окажутся в сборе. Она мечет на Бравого курьера, который что-то объясняет, испепеляющий взгляд; она звонко ударяет его по шляпе самым большим из своих ключей и призывает его к молчанию. Она собирает нас вокруг небольшого люка в полу, и мы стоим там, как над могилой. «Voilà»[26 - Вот (франц.)]. Она с быстротой молнии склоняется над кольцом, укрепленным на дверце, и, взявшись за него со всей энергией домового, с грохотом распаивает ее, хоть она и немало весит: «Voilà les oubliettes! Voilà les oubliettes»![27 - Вот!.. Вот темницы пожизненно заключенных! (франц.)] Подземные! Жуткие! Темные! Страшные! Неумолимые! Les oubliettes de l'inquisition![28 - Вот темницы судилища инквизиции! (франц.)]

Кровь застыла у меня в жилах, когда, отведя глаза от нашего домового, я заглянул вниз, под своды, где забытые люди, мучимые воспоминаниями о внешнем мире – о женах, детях, братьях, друзьях, – умирали голодной смертью и где только камни отзывались на их безнадежные стоны. Но волнение, которое я ощутил, глядя на проклятую стену – обрушенную и проломанную – и на солнечный свет, проникавший в ее разверстые раны, было радостным волнением победителя. Я радовался и гордился, что живу в наши измельчавшие времена и могу видеть все это. Я чувствовал себя как герой, свершивший великий подвиг. Солнечный свет под скорбными сводами был символом света, озарившего и разоблачившего всяческие преследования во имя господне, но все еще не достигшего своей полуденной силы. Даже слепцу, только что прозревшему, он не мог бы показаться прекраснее, чем он кажется путешественнику, видящему, как он спокойно и величаво рассеивает мрак этого адского колодца.

Из Авиньона в Геную

Показав нам темницы, домовый в юбке почувствовал, что ее главный сор[29 - Удар (франц.)] нанесен. Она отпустила упавшую с грохотом дверцу и стала на ней, уперев руки в бока и громко сопя.

По окончании осмотра дворца, желая купить у нее краткую историю здания, я прошел вместе с ней до ее жилища, расположенного в проезде под внешними воротами крепости. Ее кабачок – темное, низкое помещение, освещенное маленькими оконцами, пробитыми в толстой стене; царивший в нем полумрак; очаг, похожий на кузнечный горн, стойка, уставленная бутылками, графинами и стаканами; домашняя утварь и одежда, развешанные по стенам, а у дверей степенная женщина с вязаньем – то-то, надо полагать, беспокойно ей живется с нашим домовым, – все было как на картине Остаде[30 - Адриен ван Остаде (1610–1685) – голландский художник, превосходно изображавший бытовые сцены.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Итальянские очерки Диккенса впервые были опубликованы в лондонской газете «Дейли ньюс» (конец января – март 1846 г.). Назывались они на страницах газеты «Письмами путешественника с дороги» и были подписаны псевдонимом Диккенса Боз. Спустя несколько месяцев вышло и отдельное издание их под измененным названием «Картины Италии». В том же 1846 году очерки Диккенса были переведены на многие европейские языки, в том числе и на русский. Русский перевод печатался в «Отечественных записках» за 1846–1847 годы (т. XLVI, XLIX, L и LI); перевод, напечатанный в XLVI томе, сделан с французского

перевода, публиковавшегося в «Revue Britannique», в остальных – с первого английского издания. Других переводов на русский язык, если не считать небольшого отрывка, напечатанного в «Журнале военно-учебных заведений», не появлялось. (Прим. переводчика.)

2

Речь идет о романе «Барнеби Радж».

3

Уайзмен Николай Патрик (1802–1865) – кардинал римско-католической церкви Англии, богослов.

4

По должности (лат.).

5

Это было написано в 1846 г. (Прим. автора.)

6

Пантехникон – большой торговый склад, в котором продавались машины, экипажи, технические принадлежности, запасные части, мебель, всякого рода утварь и т. д.

7

Франкони Антонио (1738–1836) – известный дрессировщик животных и владелец конного цирка в Париже.

8

Пошел! Ну! (франц.)

9

«Молодая Франция» – так называли создавшуюся в 1830 году группу радикально настроенных литераторов, рьяных сторонников романтических теорий; эти литераторы отличались некоторой экстравагантностью туалета. Ироническая характеристика, даваемая Диккенсом сторонникам «Молодой Франции», едва ли справедлива.

10

Мальпост – курьерская почтовая карета, вмещавшая двух-трех пассажиров (франц. Malle-Poste).

11

Ого! Ого-го! Поторапливайся! Вор! Разбойник! Ну! Пошел! (франц.)

12

Ого! Ого-го! Милостыню, ради господ бога! (франц.)

13

Тюссо Мари (1760–1850) – основательница лондонской «Выставки восковых фигур». Во времена Диккенса восковые фигуры мадам Тюссо пользовались большой популярностью. Здесь была собрана коллекция восковых портретов крупных исторических деятелей прошлого.

14

Вестминстерское аббатство – церковь в Лондоне, возведенная в XIII веке; место погребения английских королей, а также великих людей Англии. Архаические статуи Вестминстерского аббатства казались Диккенсу карикатурными, чем и вызвано это насмешливое замечание.

15

Мэррей Джон (1808–1892) – знаменитый лондонский издатель, в частности выпустивший популярную серию «Путеводителей Мэррея для

путешественников».

16

Извините, сударь (франц.).

17

То есть ленточки ордена Почетного легиона.

18

Мост св. духа (франц.).

19

Календеры – нищенствующие дервиши, мусульманские монахи; орден основан в XIII веке арабом Юсуфом (Диккенс упоминает об эпизоде из 11-й ночи арабских сказок «Тысяча и одна ночь»).

20

Примроз – главный персонаж романа английского писателя О. Голдсмита (1728–1774) «Векфильдский священник».

21

По обету (лат.).

22

Привратник папского дворца (франц.).

23

Риенци Кола (1313–1354) – вождь народного восстания в Риме в 1347 году; семь месяцев был правителем Рима; ставил своей целью объединение Италии.

24

Тесные тюремные камеры-одиночки (франц.).

25

Помещение для допросов (франц.).

26

Вот (франц.).

27

Вот!.. Вот темницы пожизненно заключенных! (франц.)

28

Вот темницы судилища инквизиции! (франц.)

29

Удар (франц.).

30

Адриен ван Остаде (1610–1685) – голландский художник, превосходно изображавший бытовые сцены.

Купить: <https://telnovel.com/charlz-dikkens/kartiny-italii>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)